

5. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова... СПб., 1999.
6. Колесов В. В. Концепт культуры: образ—понятие—символ. Вестник СПбГУ. Серия 2. СПб., 1992. Вып. 3. С. 30-40.
7. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград, 1986.
8. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности. Мир русского слова. 2000. №2. С. 53-59
9. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.
10. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Логоэпистема как причина коммуникативных неудач. Международная научная конференция «Язык и культура». М., 2001. С. 49-50.
11. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца 20 века. СПб., 2001.
12. Шанский Н. М. В мире слов. М., 1971.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2001. (БТС)
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990.
4. Китайско-русский словарь. Шанхай, 1983.
5. Словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1981. (МАС)
6. Словарь современного русского литературного языка. В 17-х томах. М Л., 1954. (БАС)
7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Способы выражения характеристики запаха (на материале французского и русского языков)

*С.А. Моисеева, И.А. Котенева,
БелГУ
Россия, Белгород*

Использование тех или иных средств выражения в языке получает наиболее полное обоснование в области типологических исследований, явившихся в начале прошлого века источником развития ономазиологии. Путь от понятия к слову ставит во главу угла самого человека, рассматривая процессы, происходящие в его сознании при познании и категоризации мира. “Человеческий фактор” в семантике языковых единиц направляет исследователя на изучение не только значения конкретной лексической единицы, а “предпола-

гает выявить те существенные, глубинные характеристики имени предмета, признака и т.п., которые формируют представление носителей языка о том или ином объекте и ситуации внешнего мира: то, как он думает и как он говорит о них” (Спиридонова, 2000: 1).

Эффективным способом изучения особенностей познавательной деятельности носителей конкретных языков является полевое моделирование и структурирование системы языка, когда понятие, вырабатываемое в языке, изучается во всей совокупности языковых средств, имеющих в своем семантическом потенциале возможности для его выражения. Весьма эффективным является межязыковое сравнение полей, которое “способствует решению проблемы соотношения универсального и идиотнического в языке и позволяет выявить национальную специфику членения и отражения в языке объективной действительности” (Полевые структуры, 1989: 7).

Процесс восприятия в общей схеме “состава” человека (Апресян, 1995: 39) является отправной точкой в эмпирическом познании. Этот процесс включает в себя способности человека к физическому взаимодействию с окружающим миром. В своей совокупности зрение, слух, обоняние, осязание, вкус дополняют друг друга в процессе познания, но не являются взаимозаменяемыми, так как каждый из них представляет информацию, воспринимаемую только своими рецепторами. Память человека, хранящая результаты сенсорных впечатлений, способна “реанимировать” не проявившиеся способности одних органов деятельностью других с помощью представлений. Так, например, воспринимая только визуально какое-либо блюдо, человек может представить его запах и вкус. Связь анализаторных систем отражается в семантике лексических единиц. “Микрополя внутри поля «Восприятие» не изолированы друг от друга, они взаимодействуют и взаимопроникают, образуя сложную семантическую систему, являющуюся отражением системы концептов, сформировавшихся в результате восприятия мира человеком” (Мерзлякова, 2003: 31), которая в свою очередь отражает когнитивную картину мира социума.

Восприятие запаха предполагает конкретный способ и определенную ситуацию восприятия. Языковые единицы, отражающие ольфакторную (от лат. *olfactivus* обонятельный) сферу деятельности человека, образуют лексико-семантическое (ЛС) микрополе запаха. Восприятие запаха посредством обонятельной способности человека имеет определенную концептуальную структуру — общую ольфакторную сцену: *источник запаха — запах — субъект восприятия*. Этот базисный уровень концептуализации обонятельного опыта отражается лексико-семантическими средствами всех частей речи, относящихся к исследуемому микрополю. В данной статье для определения референт-

ных возможностей номинативных характеристик запаха рассматриваются прилагательные французского и русского языков.

Важной семантической особенностью лексики данного микрополя является субъективный фактор в процессе номинации, так как материалом для номинанта служит абстрактный феномен — “запах”. Однако следует отметить, что при анализе ольфакторной сцены большее значение имеет лексика не процессуального, а результативного характера, вследствие чего ЛС микрополе запаха обладает развитой сетью прилагательных. Результатом процесса восприятия запаха является особое качество воспринимаемого объекта, полученное опосредованно, без какого-либо контакта, где воспринимаемый объект (запах) является “одновременно и субъектом воздействия на “аксиологические установки” человека” (Спиридонова, 2000: 8). Сам признак может характеризовать конкретный источник или указывать на то, как запах соотносится с чем-либо.

В случае, когда запах является индексом пахучего предмета в пространстве, предикатом выступает название самого предмета. Эти предикаты рассматриваются как относительные прилагательные. Во французском языке группу относительных прилагательных составляют в основном “предложно-именные группы” (Мерзлякова, 2003): *l'odeur de lilas, l'odeur de fumet, l'odeur de pourri*. Подобные аналитические конструкции образуются и в русском языке: *запах лилии, запах дыма, запах гнили*. Относительные прилагательные способны переходить в группу качественных прилагательных, где они передают ольфакторный признак в качестве “вторичного” (Мерзлякова, 2003), “эталонного” (Гузина, 1996), то есть “через отсылку к предмету с характерным запахом” (Апальская, 1995): рус. *медовый, ландышевый, яблочный... запах*. Во французском языке в этом случае не наблюдаются изменения в словообразовании, изменяется значение и статус прилагательных при том, что формы остаются неизменными: *l'odeur de framboise / клубничный запах* (то есть запах, похожий на тот, что исходит от клубники).

Рассмотрим следующие примеры: “*Les bûches du dessus dégageaient une odeur sucrée et roussi, du fond du tas montait une senteur de mousse, et les parais de sapin de la grange répandaient à la chaleur une odeur picotante de résine*” (Sъskind, 1998: 28), “*Верхние полена пахли горячо и сладко, из глубины поленицы поднимался легкий аромат мха, а от сосновой стены сарая шла теплая струя смоляных испарений*” (Зюскинд, 1998: 30). Аналитическая конструкция *une odeur de résine* в русском языке может быть переведена двумя способами: *запах смолы* или *смоляной запах*. Переводчик выбирает второй вариант, уточняя качественный признак запаха, а в первом случае это указание на денотативную соотнесенность. Во французском языке, имеющем не столь бога-

тую словообразовательную систему, определению смыслового значения прилагательного способствует контекст, то есть окружение определяет статус подобных предикаций.

Определить основные характеристики запаха возможно при рассмотрении категориальных отношений прилагательных внутри ЛС микрополя запаха. Базовый слой концепта “запах” содержит оценку, основу которой составляют психофизиологические реакции субъекта.

Важным концептуальным признаком запаха является оценка, разделяющая приятное и неприятное. Подобная оценка присутствует в семантической структуре всех качественных прилагательных данной сферы. Гедонистический характер оценочной семы берется за основу для объединения собственно ольфакторных прилагательных в следующие синонимические ряды: “приятный” фр.: *odorant — odoriférant — odorifère — odorifique — aromatique — fragrant*, в русс.: *пахучий — душистый — ароматный — ароматичный — ароматический*; “неприятный” фр.: *puant — fétide — infect — pestilentielle — putride — empyreumatique — nauséabond — méphique — miasmatique — punais — ozéneux* в русс.: *зловонный — вонючий — заразный — смрадный*. Доминантами синонимических рядов выступают лексемы с положительной оценкой запаха: фр. *odorant*, русс. *душистый* и выражающие отрицательные эмоции: фр. *puant*, русс. *зловонный*, которые между собой образуют антонимичную пару.

Французское прилагательное *odorant*, благодаря своему семантическому потенциалу, предполагает широкий спектр употребления, обозначая как приятный, так и нейтральный запах. Например: “*Les mots qui ne désignaient pas d’objets odorants, et par conséquent les notions abstraites, surtout d’ordre éthique et moral, lui posaient de graves problèmes*” (Sьskind, 1998: 29). “*Со словами, которые не обозначали пахнующих предметов, то есть с абстрактными понятиями, прежде всего этическими и моральными, у него были самые большие затруднения*” (Зюскинд, 1998: 31). В этом примере прилагательное *odorant* не содержит оценочной семы.

В следующем примере *odorant* выражает положительную оценку запаха “*Les fleurs étaient livrées dès le petit matin, déversées par corbeilles entières dans l’atelier, où des dizaines de milliers de corollas s’amassaient en tas odorants, volumineux, mais légers comme l’air*” (Sьskind, 1998: 193). “*Цветы доставлялись в ателье рано утром, их высыпали из корзин десятками тысяч, сгребали в огромные, но легкие как перья душистые груды*” (Зюскинд, 1998: 204).

В русском языке прилагательному *odorant* соответствуют: 1) *пахучий*: ‘обладающий сильным запахом’ (СРЯ, 1987: 35); 2) *душистый*: ‘имеющий запах, обычно приятный’ (СРЯ, 1987: 150). Но прилагательное *пахучий* в русском языке может содержать и отрицательный оценочный компонент. В современ-

ном французском языке *odorant* не выражает отрицательной оценки. Следовательно, русское прилагательное *пахучий* является предикатом более объемной семантики, выражающей как приятные так и неприятные запахи. “Оценка в этом случае входит в семантику определяемого имени” (Мерзлякова, 2003: 82). Ср.: *пахучие цветы* — *душистые цветы*, *пахучее мыло* — *душистое мыло*, *пахучее лекарство* — *душистое лекарство*. Выбор прилагательного между *душистый* и *пахучий* в русском языке зависит не от степени интенсивности запаха, а от лексической сочетаемости. Французский язык выделяет интенсивность запаха, дифференцируя сему ‘приятный запах’ у прилагательных *odorant / odoriférant*.

Очевидным оказывается лексическое несоответствие при выражении приятного душистого запаха. Во французском языке оттенки данного явления выражаются более подробно, чем в русском. Значение “душистый” во французском языке различается по степени интенсивности выделяемого запаха (аромата) и передается синонимами: *odorant, odoriférant, odorifère, odorifique*. В русском языке признак интенсивности не проявляется.

Неприятные ольфакторные признаки образуют в составе ЛС микрополя запаха парадигму, антонимичную синонимам со значением “душистый”. Речь идет о прилагательных со значением ‘зловонный’: фр. *puant, fétide, infect, pestilentiel, putride, empyreumatique, méphique, miasmatique, ripais, ozéneux (мед)*, рус. *зловонный, пахучий, смрадный, смердящий, вонючий* (ССРЯ, 1986). Данный синонимический ряд имеет свою микроструктуру, которая отражает неприятные для человека ольфакторные воздействия. Его номинативные единицы объединены значением ‘отталкивающий’. Образное представление о неприятном запахе в сознании французского и русского народов связано со зловоньем, которое выражается доминантами фр. *fétide, puant*, рус. *зловонный, вонючий*. Следует отметить, что в семантике прилагательных *puant / вонючий* преобладает каннотативный компонент, отмеченный как разговорный, вульгарный. Но именно это прилагательное является наиболее употребимым в обоих языках. Можно предположить, что неприятный запах, затрагивая эмоциональную сферу человека, не склонен вызывать “сдержанных” отрицательных эмоций.

Понятие о смрадном запахе предполагает характеристику источника как издающего “*вонь, отвратительный, тяжелый запах*” (СРЯ, 1987: 601). Во французском языке данное понятие не оформлено отдельной лексической единицей. Оно выражается синонимами: *puant, fétide*, а также *nauséabond*, в котором оно приобретает оттенок “*тошнотворный*”, в прилагательном *infect* — “*заразный*”, а *méphique* — характеризует смрадным ядовитые, удушливые запахи. Таким образом, русский язык выделил понятие “*смрадный*” в отдельно

оформленной лексеме, французский же язык выражает это понятие в значениях нескольких синонимов, которые его уточняют своими основными значениями.

Неприятные запахи могут также характеризоваться по результату воздействия, например, “*заразный запах*”. В русском языке понятие “*заразный*” не относится к запахам, а только к болезням, инфекциям и т.п. Французские синонимы *infect*, *pestilentiel*, выражают значение “*заразный*”, относя их к зловонным вследствие испарений от заразных больных, разложений, испорченных продуктов. Лексемы со значением “*заразный запах*” отличаются во французском языке по степени негативного компонента. Предикация, введенная лексемой *pestilentiel*, указывает на более серьезные болезни, на разложения, вызывающие более едкий запах, что объясняется этимологическим родством данного прилагательного с эпидемией чумы и ее последствиями. “*La chaleur pesait comme du plomb sur le cimetière, projetant dans les ruelles avoisinantes son haleine pestilentielle, où se mêlait l'odeur des melons pourris et de la corne brûlée*” (Süskind, 1986: 7). “*Жара, как свинец, лежала над кладбищем, выдавливая в соседние переулки чад разложения, пропахший смесью гнилых арбузов и жженого рога*” (Зюскинд, 98: 7).

Заразный запах, вызванный гниением, выражается прилагательным *putride* и образует его основную референциальную способность: “*qui est en cours de putréfaction, qui se putréfie, qui pourrit, qui degage une odeur infect*” (DAALF V, 557). Признак испортившегося продукта определяется французами также как заразный запах и выражается прилагательным *infect*: “*qui a une odeur puante, un goût ignoble, par suite de corruption*” (DAALF III, 724). Языковая картина мира, сложившаяся у французского народа, отражает его особое внимание к ольфакторной информации. Об этом свидетельствует еще одна номинация синонимического ряда “*заразный запах*” во французском языке. Номинативные единицы *punais*, *ozéneux* имеют очень узкие референтные возможности. Они обычно обозначают заразный запах, выделяемый из носа. Прилагательные русского языка не имеют подобных значений.

Синонимический ряд, объединяющий прилагательные со значением “*неприятный запах*”, во французском языке превосходит в количественном соотношении русские прилагательные с тем же значением оттенков, выражаемых данное явление во французском языке гораздо больше, чем в русском.

Прилагательные микрополя запаха в своем большинстве состоят из лексических единиц, взятых из других микрополей. Например, французские прилагательные *suave*, *amer*, *aigre* в их основном значении принадлежат к микрополю вкуса, а *chaud*, *froid* — к микрополю осязания. В русском языке из микрополя вкуса в ЛС микрополе запаха перешли прилагательные не-

жрый, сладкий, горький, кислый, из ЛС микрополя зрения — тонкий, из ЛС микрополя осязания — тяжелый, легкий.

Анализ воспринимаемой или воображаемой картины мира мы производим на основании данных, полученных от всех органов чувств. Эти данные взаимообогащаются и взаимовлияют, что отражается на лексемах языка, которые могут обслуживать одновременно различные тематические группы благодаря возможности совпадения семантических признаков, то есть на основании общности сем. Подобный синтез явлений выражается в **синкретизме** семантических признаков единиц языка, когда одна лексема передает один и тот же признак в разных тематических группах. Поэтому прилагательные микрополя запаха обладают синкретичным значением, указывая на обонятельный признак в качестве смежного по отношению к другой модальности.

Так, в русском языке прилагательное *кислый*, изначально являющееся выражением вкусового признака таких продуктов как лимон, уксус, клюква, имеет значение “*кислый запах*”. “У комнаты был такой вид, словно здесь взорвался картуз черного пороха... И неприятный химический запах, кислый и едкий...” (Стругацкие, 1997). Данное прилагательное не предусматривает оценки, а выражает только статическое свойство предмета. Отрицательный оценочный компонент является потенциальным и выделяется в контексте. Во французском языке понятию “*кислый*” соответствуют прилагательные *acide*, *aigre*, первое из которых принадлежит исключительно к ЛС микрополю вкуса, второе является синкретичным, соотносясь как с микрополем запаха, так и вкуса, его особенностью является также отрицательная оценка выражаемого качества. “*Des trois maillots montait l'odeur aigre de la sueur*” (Vian, 1947).

Синкретичными также являются прилагательные, обозначающие понятие *горький (запах)*: рус. *горький, прогорклый* соответственно фр. *amer, rance*. Характерной особенностью русских прилагательных *горький, прогорклый* является наличие отрицательной оценки в значении, а французское прилагательное *amer* отличается полным отсутствием оценочного компонента в структуре семантического значения. “*Гарь шашлыков, соленый воздух моря, дурманящий запах мадеры и муската, едкие кольца табачного дыма, горький дух хвои — все это смешалось в Санькиной голове...*” (Христофоров, 115). “(...) *je senti tout d'un coup, en me relevant, s'échapper des aubépines une odeur amère et douce d'amandes, (...)*” (Proust, 127).

“Сладкие” запахи представлены следующими прилагательными: рус. *сладкий, приторный*, фр. *doux, suave, sucré, trop sucré*. Семантика каждого из них синкретична, основу ее в сопоставляемых языках составляет эталонный вкусовой признак сахара или меда. Положительная оценка в зна-

чении прилагательных *сладкий, doux, suave, trop sucré* можно объяснить приятными ощущениями от традиционного сладкого вкуса. “Из сада несло сладким запахом лип, стоявших тогда в полном цвету” (Тургенев. Записки. СРЯ, Т. IV. С. 130). “On entend frir les poètes; une suave odeur de graisse imbibé l'air des rues” (Rolland, 1980: 28).

Следует отметить, что избыток сладкого вкуса вызывает неприятные ощущения, поэтому у прилагательных *сладкий, приторный* оценка может носить отрицательный характер. “Распахнутая шуба из серебристого соболя, алые лаковые сапоги до бедер, подобие платья в золотых блестках, толстый слой грима вместо лица, оглушительный запах сладких духов” (Дашкова, 1989). “Он шагнул в приторный запах лака и одеколона, рухнул в вертящееся кресло” (Дашкова: 8). Сложная предикация *trop sucré*, выражающая во французском языке “чрезмерно сладкий” признак, не имеет отрицательной оценки. Негативное ощущение от данного признака может передаваться прилагательным *doucereux*.

Среди прилагательных, обозначающих приятный запах, во французском языке есть лексическая единица для выражения сладкого запаха, не связанного с вкусовыми ощущениями. “Fragrant — qui exhale une odeur suave” (DAALF: 965). В русском языке нет специального ольфакторного прилагательного для наименования такого оттенка.

Таким образом, рассмотренные нами способы выражения характеристики запахов во французском и русском языках доказывают наличие сходных процессов в семантике ольфакторных прилагательных, которые объясняются общей физиологической и психологической основой процесса восприятия запаха у людей. Выявленные нами несоответствия в количественном и качественном соотношении лексических единиц ЛС микрополя запаха в двух языках при обозначении одинаковых характеристик доказывают, что они связаны не с отличием в процессе восприятия запаха, а с разницей в осознании и интерпретации ольфакторной информации. Французский язык стремится отразить все оттенки запахов в отдельно оформленных лексических единицах. В русском языке оттенки, для которых нет специального словесного выражения, обозначаются, лексическими единицами, взятыми из других частей речи.

Литература

1. Адресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995. С. 37-67.
2. Мерзлякова А.Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля “Восприятия” на материале английского, русского и французского языков. - М.: УРСС, 2003. 352 с.

3. Полевые структуры в системе языка / Под. ред. Поповой З.Д. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 198 с.
4. Рузин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // ВЯ, 1996, №5, С. 39-48.
5. Спиридонова Н.Ф. Язык и восприятие. Семантика качественных прилагательных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 2000. 23 с.
6. СРЯ. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под. ред. Шведовой Н.Ю. М.: Русский язык, 1987. 750 с.
7. СРЯ. Словарь русского языка: В 4-х томах / АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Русский язык, 1981.
8. DAALF. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / par P. Robert. - Paris: Le Robert 1980.
9. P. Robert. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. - Paris: Dictionnaires Le Robert, 1956. 1026 p.
10. Дашкова В.П. Никто не заплачет. М., 1999.
11. Зюскинд П. Парфюмер. СПб, Издательство «Азбука классики», 2002. 296 с.
12. Пруст М. В поисках утраченного времени. По направлению к Свану. Перевод Н. Любимова. М.: «Художественная литература», 1973. 464 с.
13. Стругацкие Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света / Сборник. М.: Московский рабочий, 1989.
14. Proust M. Du Côté de chez Swann. Moscou.: Edition du Progrès, 1976. 435 p.
15. Rolland R. Colas Breugnon. Kiev: Dnipro, 1980. 207 p.
16. Suskind P. Le parfum. P.: Fayard, 1986. 280 p.
17. Vian B. L'arrache-coeur. P., 1999.

Лингвистические средства выражения целевых отношений в русском языке

*Моисеенко О.А.
БелГУ
Россия, Белгород*

В любом языке существуют самые разнообразные средства выражения целевых отношений, которые можно представить в виде функционально-семантического поля. В центре этого поля располагаются такие языковые единицы, для которых основным значением является цель. Например, в лексическом со-